

Алексей Писемский

Леший

Алексей Писемский

Леший

«Public Domain»

1853

Писемский А. Ф.

Леший / А. Ф. Писемский — «Public Domain», 1853

«Я был командирован для производства одного уголовного следствия в Кокинский уезд вместе с тамошним исправником, которого лично не знал, но слышал о нем много хорошего: все почти говорили, что он очень добрый человек и ловкий, распорядительный исправник, сверх того, большой говорун и великий мастер представлять, как мужики и бабы говорят...»

Содержание

I	5
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Феофилактович Писемский

Леший

Рассказ исправника

I

Я был командирован для производства одного уголовного следствия в Кокинский¹ уезд вместе с тамошним исправником, которого лично не знал, но слышал о нем много хорошего: все почти говорили, что он очень добрый человек и ловкий, распорядительный исправник, сверх того, большой говорун и великий мастер представлять, как мужики и бабы говорят. Получив общее с ним поручение, я хотел сам за ним ехать в Кокин, но он меня предупредил и дождался уже в усадьбе Маркове, которая стоит на самом повороте с кокинского торгового тракта на проселок, ведущий к месту нашего назначения.

Только что я вышел из повозки, он подошел ко мне и проговорил официальным голосом:

– Честь имею представиться: кокинский земский исправник.

Он был уже человек пожилой, но еще бодрый, свежий и вообще имел наружность приятную и умную. За его служебную вежливость, на которую, впрочем, давали мне некоторое право наши служебные отношения, я поспешил ответить ему тем же и взаимно представился, чем он остался с своей стороны, кажется, весьма доволен. Я спросил его, когда мы выезжаем.

– Я думаю, сейчас же: зачем золотое время терять! – отвечал он и тут же распорядился мне об обывательских, а себе велел закладывать свой тарантас.

В ожидании лошадей мы сели с ним на привалок около избы.

– Давно вы служите? – начал я.

– Давненько-с: по вниманию дворянства, выбираюсь три трехлетия и второе шестилетие.

–хлопотлива ваша служба?

– Не без того-с... привычка: сначала, когда поступил, так очень было дико; только что вышел из военной службы, никого, ничего не знаю; первое время над бумагами покорпел, а тут, как поогляделся, так понял, что, сидя в суде, многого, не сделаешь, и марш в уезд, да с тех пор все и езжу.

– А суд как же?

– В суде что-с? Все эти суды, я вам доложу, пустое дело; ежели по правде теперь сказать, так ведь только мы, маленькие чиновники, которые по улицам-то вот бегаем да по проселкам ездим, – дело-то и делаем-с, а прочие только ведь и есть, что предписывают, – поверьте, что так!

Пока мы разговаривали таким образом, около нас собралась толпа мальчишек. Маленький, худощавый, со всклокоченными волосами горбун притащил с ведро величины дегтярницу и силился на жерди поднять задок моей брички.

– Перестань, косолапый, достатки хребет сломаешь! – крикнул исправник.

– Ничаво, кормилец: може, и смогу, – отвечал тот.

– Перестань, надорвешься! – крикнул опять исправник. – Матвей! Смажь бричку. Где этому хрычу возиться тут! – сказал он хлопотавшему около тарантаса своему кучеру, парню лет двадцати пяти, с намавленной головою, в красной рубашке, в плисовых штанах и с медною сережкой и ухе.

Матвей подошел.

¹ Название вымышленное. (Прим. автора.)

– Что, дядя, видно, это не кузовья таскать? А на спине, кажись, и подкладка есть... Не замажь, пусти, – сказал он и молодежато поднял задок брички, подставил дугу под жердь, одним взмахом руки сдернул колесо и начал мазать.

– Здоров, паря, – проговорил горбун, глядя с удовольствием на кучера.

– Эй ты, горбатка! Тройка, что ли, у тебя завелась? Извозничать, что ли, начал? – спросил его исправник.

– Нету-тка, сударь. Какая тройка! Всего две: одна-то кобылка, а другой меринок – почесть что жеребенок: всего весною три годка минуло.

– А третья чья же?

– Третья от дяди Захара пойдет.

– По охоте, что ли, везете?

– Какое, родимый, по охоте: время рабочее, сам знаешь... какое по охоте!.. От Егора Парменыча приказ был, меня и Захара нарядил... Какое уж по охоте!

– А Егор Парменов дома?

– Дома-тка, надо быть: дома утрось был.

– Для чего же барскими лошадьми не справляют подвод: барин это разрешил, я вам толковал.

– Ты-то, кормилец, толковал, да где! Все мы справляем.

Исправник нахмурился.

– Вы не поверите, сколько у меня битвы с этими управителями. Только и ладят себе в карман; а чтобы барину угодить, так едет на мужике, – отнесся он ко мне и потом крикнул: – Федька!

Один из мальчиков, повыше и поумнее лицом, подошел.

– Поди, позови ко мне управителя. Знаешь, где он?

– Знаю, – отвечал мальчик.

– А где?

– Во хлигеле, – чай, поди, во хлигеле пьет.

– Ну, так ступай и позови его сюда... Валяй!

Мальчишка побежал вприскок; за ним побежали двое и еще двое; осталась только лет трех девчонка, которая заревела во все горло, приговаривая: «Нянька ушел, нянька ушел».

– А кто здесь управитель? – спросил я.

– Здесь управитель персона важная-с, – отвечал исправник, – бывший камердинер господина и вступивший в законный брак с мамзелью, исправлявшей некоторое время при барине должность мадамы, а потом прибыл сюда отращивать себе брюхо и набивать карман; не знаю, чем кончится, а я его поймал на одну штуку – кажется, что сломлю ему голову. Не могу, сударь, видеть этого лакейства, особенно когда они в управители попадут.

– Стало быть, вы думаете, что бурмистры из мужиков лучше? – заметил я.

– Не в пример лучше-с, – отвечал исправник, – я, скажу вам, наблюдал над этим много. Конечно, и из них есть плуты, особенно который уж много силы заберет, но вместе с тем вы возьмите, сколько у него против лакея преимуществ: хозяйственную часть он знает во сто раз основательнее, и как сам мужик, так все-таки мужицкую нужду испытал, следовательно, больше посовестится обидеть какого-нибудь бедняка; потом-с, уваженья в нем больше, потому что никогда не был к барину так приближен, как какой-нибудь лакей, который господина, может быть, до последней косточки вызнал, – и, наконец, главное: нравственность! Я вам прямо скажу, все эти господа камердинеры, дворецкие, они с малых лет живут на свободе, в городе, а город – баловник для людей; в деревне чего бы и в голову не пришло, а тут как раз научат. Он и трубку курит, и в карты играть охотник, и шампанское пить умеет, и выходит поэтому, что толку-то на деле нет, а только форс держат, да еще какой, посмотрели бы вы! Ни один

господин не решится над мужиком так важничать, как ломаются эти молодцы. Я многим из них посшибал головы.

– Каким же образом вы принимаете участие в их управлении?

– Да и сам уж не знаю, как это вышло: по службе-то ведь беспрестанно сталкиваешься с этими молодцами, и я, как, бывало, прежние исправники, не сближаюсь с ними, а вхожу прямо в переписку с барами и такой своей манерой добился теперь до того, что на все почти имения имею доверенные письма; и если я теперь какие-нибудь распоряжения делаю, мне никто из них не ткнет в зубы: «Барину напишу», – врешь! – Я первый напишу.

– Вам, я думаю, и все помещики благодарны?

– Ну, не все-с. Впрочем, – продолжал он с некоторым самодовольством, – многие важные особы, когда сюда приезжают, со мной знакомятся, ласкают меня, благодарят... Я даже, милостивый государь, имею несколько собственноручных писем от князя Дмитрия Владимировича², бывшего московского генерал-губернатора, удостоился потом чести быть лично с ними знакомым и пользовался их покровительством. Чего ж мне больше? Я бьюсь не так, чтобы уж особенно из-за денег. Дети у меня, благодаря бога и по милости этого моего хорошего знакомства, все уж пристроены, на своих местах, и не только что от меня ничего не требуют, но еще мне же помогают. Если вам откровенно сказать, так я и служу больше по привычке; силы еще есть, начальству, вижу, приятна моя служба, потому что, кто ни будет на моем месте, другой, неопытный, так не вдруг еще привыкнет; на первых порах, как ни бейся, а того не сделает, что я... Привычка-с!.. Вот катит, полюбуйтесь: какой гог-магог³, – заключил исправник, указывая глазами на идущего управителя, который с первого же взгляда давал в себе узнать растолстевшего лакея: лицо сальное, охваченное бакенбардами, глаза маленькие, черные и беспрестанно бегающие, над которыми шли густые брови, сросшиеся на переносье. Одет он был очень презентабельно и, как требовало время года, совершенно по-летнему: в сером казинетовом пальто, в пике-жилете, при часах на золотой цепочке, с золотым перстнем на грязной руке и в соломенной шляпе, которую он, подойдя к нам, приподнял и расшаркался.

– Приказание получил явиться к вам! – отнесся он к исправнику.

– Здравствуйте, батюшка Егор Парменыч! Повидаться с вами захотелось; сами вы уж заспесивились и глаз не кажете, – отвечал исправник.

Управитель переступил с ноги на ногу.

– Сбирался еще до присыла вашего, да так полагал, зная усердие ваше, что делами изво-лите заниматься, а очень было бы приятно, если бы осчастливили меня и пожаловали ко мне чаю или кофейку откусать или закусить бы чего-нибудь: дело дорожное.

Исправник взглянул на меня.

– С удовольствием бы, да не охотник я до закусок-то, – сказал он.

– Уж это точно справедливо изволили сказать про себя. Чем только вы живы, мы тому удивляемся! Эдакого постника, как вы, я и в Петербурге не видывал, хотя и там господа тоже очень воздержны на пищу, – проговорил управитель и потом, видя, что исправник ничего ему не возражает, продолжал, вздохнув: – Все это, я полагаю, от вашей заботливости происходит. Вот хоть бы и наш господин – проходит он, как неизвестно вам, должности большие, и часто, бывало, когда я еще при особе их состоял, если получают они какое-нибудь повышение или награждение, поздравить их, одевая поутру, они только головкой помотают: «Эх, говорит, Егор Парменов, повышению я рад, да и забот прибавится». И точно-с: и сна, посмотришь, лишатся и пищи уж меньше употребляют... Очень тоже старательный к службе.

² Князь Дмитрий Владимирович – Голицын (1771—1844), бывший московским военным генерал-губернатором с 1820 по 1844 год.

³ Гог-магог. – Правильнее Гог и Магог, имена двух мифических народов, встречающиеся в Библии и Коране. В тексте – в значении «важная персона».

– Что и говорить! – возразил исправник с усмешкою. – Ты не только что на господине, и по себе можешь судить это.

– Именно могу, Иван Семеныч. Если сравнить свое положение с простым мужиком, так увидишь большую разницу: какая ему забота! Отпашет он свою полосу, натреплетя тюри да и спать; а ты, например, пять запашек одних: все надобно присмотреть; конский завод, сплавные леса, четыре тяжёбных дела на руках, межеваньё теперь идет; а неприятностей-то сколько получишь! Иногда какая-нибудь посконная бабенка, за которую двух грошей дать нельзя, и та тебя так расстроит, что ничему не рад. Все это в воображении имеешь: какой тут сон или пища! Ничего на ум не пойдет.

При последних словах исправник взглянул на управителя пристально; тот остановился и начал глядеть по сторонам.

– Приказанья больше никакого не будет? – спросил он, помолчав.

– Да приказанье такое: ты все прежней своей методы не оставил – подводы мужиками справляешь! Я уж об этом барину писал и ответ получил.

– Я, признаться, и сам об этом господину описывал. Неужели же, Иван Семеныч, я смел бы иметь против вас какое-нибудь сопротивление, если бы сил моих только хватало; сами изволите знать, половина запашки идет на барских лошадях – сморены так, что кожа да кости. Вдруг барин наедет, куда я тогда поспел?

– А у мужика разве лошадь не в работе? Она больше твоих барских работает.

– У них лошади особенные: сносливые, – ихным лошадям ничего; а наши кони нежные, их должно беречь пуще зеницы ока.

– Зачем же сам-то по праздникам на тройках гоняешь?

– Мне, сударь, нельзя не выехать: должность моя такая, что я должен ездить.

– Экая у тебя должность славная – все по праздникам! Вот этта ездил в Введенское на храмовой праздник, к скарловановскому Федору Диеву на новоселье, к вонышевским мужикам на Никольщину... Отличная у тебя должность! Хоть бы и нам такую.

– На соседстве без знакомства не проживешь; без этого уж нельзя: сам принимаешь к себе, так и меня тоже просят.

Горбун привел своих двух лошадей, которых он весьма справедливо называл уменьшенными именами, потому что в каждой из них было немного более двух аршин росту; вслед за ним вел и дядя Захар свою; она была в том же роде, только гораздо худее и вся обтерта. Горбун начал было закладывать.

– Не можете ли вы доехать со мною в тарантасе? Бричку вашу здесь оставим: сюда же вернемся, – сказал мне исправник.

Я согласился.

– Эй, вы, не надо! Ведите лошадей домой, – проговорил он мужикам.

– На том те спасибо, кормилец, – проговорил горбун и, сняв шапку, поклонился в пояс.

Захар тоже, хотя не так скоро и не сказав ничего, но приподнял шапку и поклонился. Оба мужика повели лошадей назад. Меринок горбуна, кажется, был рад не менее своего хозяина, избежав необходимости везти; он вдруг заржал и лягнул задом.

– Эка, паря, веселый какой! – проговорил ласковым голосом горбун и повел коней в поле.

Дядя Захар иначе распорядился: он вывел свою худощавую лошаденку на половину улицы, снял с нее узду и, проговоря: «Ну, ступай, одер экой!», что есть силы стегнул ее поводом по спине. Та, разумеется, побежала; но он и этим еще не удовольствовался, а нагнал ее и еще раз хлестнул.

– Эй, ты, длинновязый, зачем ты лошадь бьешь? – вскрикнул исправник.

– Что, бачка?

– За что ты бьешь лошадь?

– Я, бачка, не бью ее, а так только шугнул.

– Я тебе дам, шугнул! Эдакой лошадиный живодер! Каждый год, сударь мой, лошади две заколотит... Только ты у меня загони эту лошадь, я с тобой справлюсь.

– Ништо бы ему! Кормилец, справедливо баешь, – отозвался подошедший и ставший около нас, с сложенными руками, рыжий мужик, – эдакой озорник на эту животинку, что и боже упаси!

Управитель на всю эту сцену глядел с насмешливою улыбкою.

– Зверь бесчувственный, и тот больше понимает, чем этот народ, – заговорил он, – сколько им от меня внушений было, – на голове зарубил, что блажен человек, иже и скоты милует... ничего в толк не берут!

– Не все такие, – хоть бы и из нашего брата, Егор Парменыч, – возразил рыжий мужик, – може, во всей вотчине один такой и выискался. Вот горбун такой же мужик, а по-другому живет: сам куска не съест, а лошадь накормит; и мы тоже понимаем, у скота языка нет: не пожалуется – что хошь с ней, то и делай.

– Понимаете вы! Ничего вы не понимаете, – кто вас знает хорошо!

– Твое дело как знаешь, так и бай, а нам Захарка не указ: худой человек, худой и есть – не похвалим.

Подали тарантас. Мы начали с исправником усаживаться. Егор Парменов немного струсил.

– Батюшка Иван Семеныч, что вы изволите тесниться, – отнесся он к нам, – если вам угодно, я сейчас же велю господских лошадей изготовить, самую лучшую тройку велю заложить.

– Спасибо! Доедем как-нибудь... пошел! – отвечал исправник.

Мы тронулись.

– Я того очень опасуюсь... не подумайте вы чего-нибудь, – говорил управитель, хватаясь за край тарантаса и идя за нами, – к капризу моему не отнесите. Мы никогда этим не потягтимся. Толком мне давеча не сказали, потому такое распоряжение и вышло. Смею ли я что-нибудь! Как это возможно! У нас и от помещика есть приказ, чтобы чиновников не останавливать. Сделайте милость, – продолжал он, – приостаньтесь на минуту, а тем временем, как лошадей закладывают, пожаловали бы ко мне... Если вас, Иван Семеныч, не смею попросить чего-нибудь откушать, так, может, господин губернаторский чиновник не откажут мне в этой чести. Мы высоко должны ценить ваше внимание: если вы к нам милостивы не будете, что ж мы после этого значим? Ничего.

– Нет, брат, теперь некогда... Трогай живее! – крикнул исправник.

Кучер взмахнул кнутом и как-то особенно присвистнул; лошади разом хватили, так что Егор Парменов отлетел в сторону и едва устоял на ногах.

II

Проехать надобно было верст тридцать проселком. Мы трусили, где только можно, и все-таки ехали очень медленно. У меня из головы не выходил управитель.

– Вы говорили, Иван Семеныч, что управителя этого поймали на какую-то штуку, – сказал я, желая вызвать исправника на прежний его разговор.

– Поймал, милостивый государь, есть такой грех, – отвечал он с самодовольством. – Казус этот замечательный. Если хотите, я вам расскажу. Только уж вы извините, я начну издали: скоро сказка оказывается, да не скоро дело делается.

– Сделайте одолжение, – сказал я.

Исправник откашлялся, понюхал табак и начал:

– Есть у меня, сударь, в уезде на самой границе, волость, под названием Погорелки – дичь страшная, лесовик ⁴раменной на верхушку дерева посмотришь, так шапка с головы валится. На всем этом протяжении всего и стоят только три деревнюшки да небольшой приходец в одно действительство, и все это, извольте заметить, и деревнюшки, и лесные дачи принадлежат одному господину с Марковым. Ну, и здесь, как вы видите, народ не бойкий, а там еще проще: смиренница такая, что не только дел каких-нибудь, а рассыпь, кажется, в любой деревнюшке кучу золота на улице, поставь палочку да скажи, чтоб не трогали, так версты за две обходить станут. В начальные десять лет моей службы я почти что и не бывал там: незачем! Вдруг в управители приезжает этот хват, является ко мне с письмом от барина. Поговорил я с ним: вижу, парень неглупый, должно, быть, грамотный, – говорит бойко. Одно только мне не понравилось в нем, как и вы, может быть, заметили, – глаза его, никак сударь, он ни на кого не может смотреть прямо: все у него эти буркалы бегают, – и не то чтобы он кос был, а так как-то, просто плутоватый взгляд; сейчас видно, душонка нечиста. Впрочем, я обласкал его для первого раза, но взял себе за правило – наблюдать за ним строго. Он не промедлил-с выкинуть штуку такого рода, что написал барину, будто бы по имению все в страшном беспорядке, все запущено, разорено, и таким, сударь, манером представил прежнего старого бурмистра, мужика хорошего, что совсем было погубил того; я это узнаю стороною и, конечно, понял его канальскую выдумку: до меня-де было все мерзко да скверно, а как стал я управлять, так все пошло прекрасно. Ну, думаю, голубчик, не знаю, как при тебе пойдет, а вот тебе на первых порах следует дать сдачи, чтобы ты не завирался, и тотчас же пишу к барину письмо совсем в другом духе и объясняю прямо, что донесения нового управителя вовсе несправедливы, что по имению, как досконально известно мне по моей службе, никаких не было особых злоупотреблений, и что оно управлялось так, как дай бог, чтобы управлялось каждое заглазное имение, и вместе к тому присоединяю, не то чтобы прямо, а так стороною, давешнюю мою сентенцию, которую и вам высказал, что я, с своей стороны, считаю совершенно безвыгодным заменять бурмистров из мужиков управителями, ибо они в хозяйственных распоряжениях очень неопытны, да и по нравственности своей не могут быть вполне благонадежны. После моего письма, слышу, прислали Егору Парменову сверху зуботычку, и зуботычку порядочную; мне тоже письмо собственноручное от помещика: благодарит меня за участие, просит на будущее время, если что замечу, то и сам могу отменить или по крайней мере уведомил бы его. Стал меня Егорка побаиваться; но, невзирая на это, плутни его вижу на каждом шагу: то нападет он на мужика, который побогаче, – я заступлюсь; то сделает с купцами сделку и запродаст хлеб не в пору за полцены – я опять поймаю и найду других покупателей. Вдруг раз доносит господину, что конские дворы пристоялись и что он уже подрядил новые за три тысячи серебром, а я пишу барину, что дворы требуют только небольшой поправки и что три

⁴ Лесовик раменной – густой, дремучий лес.

тысячи серебром за такие дворы в здешнем месте цена неслыханная – ему опять плюха. Играл я с ним в эту игру года четыре, точно кошка с мышью: поотпущу его немного, дам обнюхать какую-нибудь плутню, и только бы ему сплутовать, а я его и цап. Сбирался было, признаюсь, несколько раз написать барину письмо решительное, но все как-то останавливался: как, думаю, еще примется, по услуге его ему, может быть, многое прощается, ихние дела, кто их знает; жду, что будет дальше, – и можете себе вообразить, каков шельма этот человек: пять лет я, милостивый государь, не знал его главной проделки и открыл как-то уж случайно. Как прежде я вам докладывал об этой Погореловской волости... вдруг доходят до меня слухи, что Егор Парменов начинает туда ездить каждую неделю, и что-де там барскую запашку завел, флигель выстроил и назвал Новоселком. Что такое, думаю, это значит? Если ради выгод барских, так там выгод больших не у чего соблюсти, и первое, что, признаться, пришло мне в голову: мужиков, думаю, каналья, хочет стеснить. По Маркову и по другим селениям я часто наезжаю и воли ему не даю, а там, в захолустье, делает что хочет. Начал и я ездить в Погорелки, в новую эту усадьбу, как эдак, знаете, невдалеке, верстах в пяти, в шести, еду, так уж непременно заверну. Он меня ловит, как молодой месяц, и покуда я там, точно адъютант мой: так по стопам моим и следует. Однакоже я урывками, ущипками расспрашиваю мужиков: что-де и как и нет ли каких от управителя притеснений? – «Нету-тка, любезенький, греха на душу не возьмем, никаких нам от Егора Парменыча притеснений нетути, а еще против прежнего лучше стало». Задал он мне, милостивый государь, этим задачу; вижу, что тут что-нибудь кроется, а поймать не знаю на чем. Заезжаю я раз в этот флигель ночевать; дело было в субботу, а на другой день, по воскресному дню, поехал к приходу помолиться. Егор Парменов тут же и не отстает от меня; я в своем тарантасе, а он верхом. Приезжаем: ну, я, по званию своему, знаете, стал впереди; Егор Парменов немного сбоку или так, что почти рядом со мной, и две вещи делает: либо богу усердно молится, либо обернется ко мне и начнет на ухо шептать разные эдакие пустяки, и я очень хорошо понимаю, с какими мыслями он это делает: молится, извольте видеть, чтобы мне угодить, потому что я люблю богомольных, а со мною шепчется, чтобы мужикам дать тон: вот-де я с исправником на какой ноге. В половине обедни только что запели херувимскую⁵

⁵ Херувимская – церковная песнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.